

kvalita obrazu v mysli subjektu, pozadí, překážka, rámeček vnímání, prostředek zlepšující vnímání, zdroj světla). A. Mikołajczuk (*Badania porównawcze nazw uczuć. Na przykładzie „gniewu”*) naznačuje základní problémy srovnávacího výzkumu názvů emocí. Shrnuje dosavadní závěry sémantiků a podává vlastní návrh etap kontrastivního studia sémantiky v této oblasti. Příkladový materiál čerpá z polštiny, angličtiny a ruštiny.

Do sborníku jsou zařazeny ještě další dva příspěvky, které se sice přímo netýkají tří hlavních okruhů varšavského výzkumu, směřují však k obdobnému cíli jako ostatní studie, tj. snaží se poukázat na dílčí difference obrazu světa v češtině a polštině. K. Skwarska (*Tykánt i jego zdvořilejší protějšek v češtině a polštině*) se v příspěvku, který asi nejvýrazněji přesahuje do oblasti pragmatiky, věnuje problematice řečové etikety v českém a polském jazykovém prostředí. Je škoda (a autorka si to též uvědomuje), že téma tykání nebylo rozšířeno ještě alespoň o úzce související téma oslovení. V posledním příspěvku sborníku (*Interkulturní interference a výuka cizích jazyků*) K. Pösingerová ukazuje na konkrétních příkladech získaných zkušenostmi z výuky polského jazyka, že i mezi jazyky (a prostředími) tak blízkými, jako jsou čeština a polština, existuje řada málo uvědomovaných diferencí (svědčících o různých obrazech světa), které se v projevech nerodilých mluvčích mohou projevit nežádoucími mezikulturními interferencemi.

Pro kognitivní lingvistiku je (zatím?) typická značná různorodost teoretických východisek, výzkumných postupů i způsobů interpretace získaných poznatků. Svědčí o tom i předkládaný sborník. Přestože jeho příspěvky vznikly v rámci koordinovaného výzkumu, je v nich patrné hledání a nelehké nalézání společné cesty. Ne vždy se také daří přesvědčivě překročit hranici mezi deskriptivním sémantickým popisem a skutečně kognitivně zaměřeným zkoumáním. To vše ale souvisí s novostí zvoleného přístupu ke studiu jazyka. Práce polských a českých lingvistů nabízí vzrušující nahlédnutí do stále málo známých vztahů mezi lidskou mentalitou, jazykem a světem. Sborník *Obraz světa v jazyce* je motivující a inspirativní a patří bezesporu k těm jazykovědným pracím, které si čtenář (i nelingvista) přečte s opravdovým zaujetím.

Zdeňka Hladká

Бурмистрович, Ю. Я.: Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями „предок – потомок“, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Научное издание. Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, 2001, 227 стр.

Nastávající monografie představuje sobou vydání, které po slova autora „posvěceno jedné z disciplin historicko-lingvo-slavistického cyklu, t. e. jedné z disciplin, rozvažujících ne jaké-toto určené stávie ruského ili iného slavistického jazyka, a některou řadu střídajících druh druhá stávie (jinak řekajíc, rozvíjení, historii) celého řadu jazyků, které přecházejí druh v druhá v konečném výsledku připravily vznik moderního ruského jazyka“ (s. 7). V knize se odhaluje historie fonematiskeho (fonologického) úrovně v celkovosti takové řady slavistických jazyků, spojených uvedenými vztahy, jak praindoevropský (v rámci jeho protoslavistického dialektu), praslavistický, staroruský v srovnání s církevnoslavistickým a, nakonec, ruský do XVII. v. včetně, když v hlavním složitá fonologická (autor předchází termín „fonematiskejší“)

система, которой обладает и современный русский литературный язык. Эта история представлена как единая непрерывная цепь фонетических и фонологических (фонемологических) процессов, закономерно связанных друг с другом. В ходе изложения автором учитываются и обобщаются теоретические достижения языкознания за последнее столетие, особенно теория группофонем В. К. Журавлева. Все разбираемые в книге факты не остаются без теоретического обоснования и объяснения.

В кратком „Предисловии“ (с. 7) автор задумывается над необходимостью и важностью историко-лингво-славяноведческих дисциплин при подготовке будущих филологов-русистов. К сожалению, эти предметы считаются обычно учащимися периферийными или иногда даже для будущей практики напрасными. На самом деле этот цикл дисциплин занимает свое необходимое место, потому что эти дисциплины помогают понять очень многие факты современного русского языка, которые, будучи рефлексами, застывшими следами древних исторических процессов, не могут быть объяснены современными языковыми отношениями, а кроме того, и тем, что они в большей степени, чем все другие дисциплины помогают вырабатывать историческое и на его основе диалектическое мышление. Интересность данных учебных дисциплин обуславливается также тем, что они позволяют учащимся обнаруживать нередко весьма удивительные генетические связи, т. е. связи по происхождению между словами современного русского языка, которые сегодня представляются не имеющими ничего общего (ср. слова *шалить* и *нахал*). Нужно отметить также, что занятия по данным дисциплинам помогают лучше и глубже постигать те иностранные индоевропейские языки, которые обычно изучаются в средних школах и в вузах, и, наоборот, изучение этих языков помогает лучше и глубже усвоить многие исторические дисциплины, в частности историческую фонологию (фонемологию) славянских языков (можно сравнить для примера такие слова разных языков, как русское *ягнёнок*, праславянское **agne*, латинское *agnus*, или русское *чадо*, старославянское *чѣдо*, немецкое *das Kind*).

В „Введении“ (с. 7–20) разбирается современная университетская система историко-лингво-славяноведческих дисциплин при подготовке будущих филологов-русистов с указанием на ее недостатки. Свою неудовлетворительность автор высказывает прежде всего в адрес названий этих дисциплин и их содержания. Непонятным он считает то обстоятельство, что некоторые важнейшие открытия ученых XX в. остаются неиспользованными, из-за чего в последующих работах повторяются старые ошибки или старые констатации без объяснения. Поэтому целью настоящей работы является такое построение указанного курса, которое учло бы важнейшие открытия прошлого века. Чтобы устранить нынешние недостатки в программе, предлагаются два возможных варианта построения системы данных дисциплин, причем автором подчеркивается тот вариант, который, по его мнению, обладает на сегодня наибольшей эффективностью и логичностью. Материалом для настоящей работы послужили, с одной стороны, схемы реконструированной начальной фонематической системы протославянского диалекта праиндоевропейского языка, а с другой стороны, слова славянских и неславянских языков, включающие в себя рассматриваемые фонематические единицы. Источником схем начальной фонематической системы указанного диалекта стали различные работы; в них эти схемы реконструируются по-разному. Та схема, которая в конечном итоге избрана автором, является выработанной в результате критического анализа имеющихся. Источником слов послужили различные этимологические и толковые словари русского и других славянских, а частично и неславянских языков. Исследования проходят в работе в русле интерпретационного аспекта, который заклю-

чается в осмыслении и истолковании найденных соответствий между сравниваемыми языками. Большая часть предлагаемой работы связана с реконструированными фактами древних языков, поэтому начальная фонематическая система протославянского диалекта праиндоевропейского языка реконструируется с помощью сравнительно-генетического (сравнительно-исторического) и частично сопоставительно-типологического методов. Динамика этой системы восстанавливается с помощью системно-исторического метода.

Следует *Основная часть*, включающая в себя два *Вводных* (т. е. теоретических) раздела и четыре *Основных* раздела.

Предметом данного курса является структурная история фонологических (фонематических) систем той цепочки славянских языков, которая в конечном итоге привела к появлению современного русского языка. Теоретически этот вопрос рассматривается в первом Вводном разделе (с. 21–22). В нем также выделяются основополагающие идеи историко-лингвистических наук, главные и дополнительные задачи настоящего курса и, наконец, его отдельные части.

Во втором Вводном разделе (с. 22–25) толкуются такие основные понятия исторической (диахронной) фонологии, как *фономология, фонема, фонематическая оппозиция, коррелятивные // некоррелятивные оппозиции, коррелят, маркированный // немаркированный опозит, фонематическая корреляция, парадигматические // синтагматические соотношения фонем, группофонема, квазифонема*. Далее дается характеристика историко-фонематических процессов (дивергенция x конвергенция) и изменений, которые они вызвали; их главной причиной были внутриязыковые перемены – и, более того, внутриуровневые, внутриязыковые противоречия – парадигматические (возникающие в языке) и синтагматические (возникающие в речи). Объясняются также основные методы, с помощью которых реализуется ретроспективный подход при изучении истории фонологической системы языка – сравнительно-генетический (в языковедческой литературе употребляется, как правило, термин сравнительно-исторический) и сопоставительно-типологический. Напоминаются также два принципа описания истории языка – ретроспективный и перспективный. В конце раздела перечисляются все транскрипционные знаки, которые приняты в настоящей работе; дело в том, что у разных авторов историко-лингвистических работ они не бывают одинаковыми.

Первый основной раздел (с. 46–71) посвящен описанию истории фонологической системы протославянского диалекта праиндоевропейского языка. Все аллофонные и фонемные процессы, которые произошли за время его существования естественным образом изменили его фонологическую сторону; в конечном итоге они настолько сильно отделили протославянский диалект от других диалектов праиндоевропейского языка, что превратили протославянский диалект в новый самостоятельный язык – праславянский.

В ходе существования и развития праславянского языка стали появляться все новые и новые противоречия в его фонологической системе. Их разрешение вызвало к жизни новые законы. В соответствии с этими законами выделились в истории праславянского языка три периода – *ранний, средний и поздний*. Связанные с этим вопросы решаются во втором Основном разделе (с. 72–144). Главным последствием фонологического развития раннего периода для праславянской фонематической парадигматики стало появление системы группофонем. Это положение вызвало возникновение фонетического закона внутрifoнемного сингармонизма, появилась т. наз. первая палатализация заднеязычных (автор употребляет термин „первая переходная палатация заднеязычных“).

В рамках синтагматических результатов произошло усиление соседних звуков в пределах группофонемы. Внутри второго (*среднего*) периода выделяются три этапа. На первом этапе датируется возникновение фонетического закона строго определенной последовательности компонентов внутри группофонемы, а как частный его случай и фонетический закон внутригруппофонемной восходящей звучности. Затем уделяется внимание процессам, которые вызвало действие этих законов. В силу того возникли сложные группофонемы и большое количество новых чередований гласных звуков. К итогам данного этапа следует отнести и упрощение целого ряда групп согласных; это те случаи, где произошло выпадение согласной фонемы, которая по причине несовместимости ее дифференциальных признаков с дифференциальными признаками группофонем не смогла войти в эту группофонему. Ко *второму* этапу относится возникновение фонетического закона внутрислоговой восходящей звучности или же закона открытых слогов. В связи с этим рассматриваются происшедшие изменения как последствия этого закона. В результате монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний, оканчивающихся на неслоговой сонорной носовой, в языке появилось несколько новых чередований. В рамках *третьего* этапа произошли изменения слоговых сонорных плавных – появились полногласные и неполногласные сочетания; эти перемены имели диалектный характер. Важную роль здесь сыграли праславянские интонации. На данном этапе сформировался фонетический закон внутрислогового сингармонизма, вызвавший ряд новых процессов, описанных в настоящей работе. В указанное время осуществилась также вторая палатализация заднеязычных (автор здесь употребляет термин „первая переходная палатализация“). Последствия процессов, ведущих к конечному состоянию праславянской фонетической системы, появились в *третьем (позднем) периоде* (с. 129–144). Праславянская фонетическая система перешла в системы новых славянских языков, а в частности в систему древнерусского и старославянского (церковнославянского) языков. Иными словами, праславянский язык после этих процессов практически распался и на основе его диалектов возникали новые самостоятельные языки. В рамках парадигматических результатов система группофонем прекратила свое существование. Первым серьезным свидетельством этого явилась третья палатализация заднеязычных согласных (автор пользуется термином „вторая переходная палатализация“). В системе фонем стали четко разграничиваться лишь две подсистемы – подсистема консонантизма и подсистема вокализма; особенностью подсистемы вокализма явилось значительное изменение качества этих гласных. Результаты синтагматические проявились в сочетаемости фонем в пределах слога; все слоги продолжали оставаться открытыми. С утратой долготы и краткости гласных изменился и характер словесного ударения, которое из музыкального все больше становилось силовым.

В *третьем Основном разделе* (с. 144–187) анализируется история фонологических систем древнерусского (правосточнославянского) и старославянского (церковнославянского) языков в сопоставлении друг с другом. Тут следует добавить, что термины „древнерусский язык“ и „правосточнославянский язык“ употребляются автором в настоящей работе как синонимы. Чаще эти термины используются в литературе как названия двух разных языков; рубежом между ними оказывается появление письменности у восточных славян. Подобно имеются два подхода в лингвистической литературе к применению терминов „старославянский язык“ и „церковнославянский язык“. Здесь они употребляются также как синонимы. Чаще всего первый термин принято употреблять, когда речь идет о книжном языке до XI в. Впоследствии, когда в этот язык

стали попадать домашние, восточнославянские элементы, говорится уже о церковно-славянском языке. Оба языка на восточнославянской территории вплоть до конца XVII в. сосуществовали, поэтому по решению автора история фонологического развития древнерусского языка описывается параллельно в сопоставлении с ситуацией в церковнославянском языке. Начальные фонологические системы древнерусского и старославянского (церковнославянского) языков были системами фонем, которые складывались из подсистемы консонантизма и из подсистемы вокализма. Что касается древнерусского языка, то он пережил ряд своих собственных фонетико-фонологических процессов; они выделяются в последующих параграфах настоящего раздела в качестве парадигматических и синтагматических результатов развития. Самыми важными переменами в области парадигматических изменений являются появление совершенно новых для славянских языков согласных фонем *ф // ф'* и создание корреляции согласных по твердости-мягкости – в данной работе этот процесс обозначается как „возникновение категории палатальности-непалатальности (в связи с этим процессом возникли чередования новых палатальных согласных с соответствующими непалатальными, ср. *носит // н'ос*), переднеязычные звонкие (и шипящие, и свистящие) изменились в палатальные щелинные – остались лишь глухие аффрикаты: *ч', ц'*, увеличилось количество различных звуковых чередований; это было в подсистеме консонантизма. Далее произошло выпадение фонем *ь, ъ, ы, ѧ* из подсистемы вокализма; в связи с падением еров появились т. наз. беглые гласные. Значительной синтагматической трансформацией можно считать полное прекращение действия закона открытых слогов и появление закрытых слогов. Слоговых интонаций с самого начала древнерусского языка не было, те смысловые различия слов, которые выражались различными слоговыми интонациями, стали выражаться постановкой словесного ударения на разные слоги, словесное ударение продолжало оставаться силовым и разноместным. Рассмотрение этих процессов как только древнерусских автор считает справедливым не только потому, что все последующие новшества церковнославянского языка являются лишь перениманием древнерусских и русских, т. е. восточнославянских фактов, но и потому, что упомянутые древнерусские процессы и их результаты церковнославянский язык в большинстве случаев как раз и не принял, ибо его как язык церкви старались изменять как можно меньше. В древнерусском языке произошли такие изменения, которые характеризовали лишь отдельные диалекты. Однако осуществились также перемены, которые не только закрепились в определенных диалектах, но и довольно сильно отделили эти диалекты от других. Это отделение диалектов привело к тому, что древнерусский язык постепенно распался на новые самостоятельные восточнославянские языки – на русский, украинский, белорусский (в XIV в.). Естественно, что и более или менее единая древнерусская фонологическая система также распалась, произошел переход древнерусской фонологической системы минимум в три новых, в том числе русскую.

История фонологической системы русского языка (от начала формирования великорусской народности до начала формирования великорусской нации (с XIV по XVII в.) излагается в четвертом разделе (с. 187–196). Русский язык с самого начала своего существования представлял собой не абсолютное единство, а некоторую совокупность близких диалектов. В центре внимания этого раздела является изучение формирования тех фонологических систем, которые в конечном итоге привели к созданию фонологической системы современного русского литературного языка. Главным последствием фонетических процессов, которые прошли в русском языке в исследуемый период,

было укрепление корреляции согласных по твердости-мягкости в подсистеме консонантизма. В области вокализма путем устранения фонем *ě* („ять“) и *ѡ* (т. наз. закрытого „о“) удалось всю эту подсистему сделать более стройной и устойчивой. На систему вокализма серьезно не повлияло возникшее аканье; в целом ряде случаев эти явления отразились в графике (ср. *колач* > *калач*, *дясна* > *десна*); иными словами, в ряде конкретных слов появилась ситуация т. наз. гиперфонем. В целом обе приведенные подсистемы русского языка стали такими, что в наибольшей степени они приблизились к современной.

В „*Заключениях*“ (с. 196–197) подытоживаются результаты проведенных исследований. Вслед за тем помещено „*Послесловие*“ (с. 197–199), где автором перечисляются отдельные пункты, доказывающие научную новизну, теоретическую и практическую значимость рецензируемой работы. Следует раздел „*Использованная литература*“ (с. 200–225). В нем приводятся словари, памятники древнерусской и старорусской письменности и научная, языковедческая литература, на которые автор опирался при создании настоящего труда. В самом конце включены два приложения: в первом (с. 226) представлены образцы фонематического развития слов от протославянского состояния до русского, во втором (с. 227) даются основные типы фонематических явлений современного русского языка, требующие исторического объяснения, и языки, к процессам которых восходят эти явления. Содержание („*Оглавление*“, с. 3–6) отпечатано в начале книги.

Предлагаемая монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, изучающих историческую фонологию славянских языков. Ее автор уверен в том, что книга будет полезна также для учителей русского языка и литературы в русской школе, не желающих оставлять без объяснения многочисленные факты современного русского языка, которые без историко-лингво-славяноведческих, и в данном случае без историко-фонемо-славяноведческих, знаний понять невозможно. На наш взгляд большая часть теоретических изложений заслужила бы более подробного проиллюстрирования на фактическом материале, чтобы читатель смог представить себе, как излагаемые теоретические явления функционировали на практике. В заключение нашей рецензии можно сказать, что обсуждаемый труд представляет собой серьезный вклад в развитие фонетико-фонологического изучения славянских языков, в частности русского.

Алеш Бранднер

Andrzej Bańkowski: Etymologiczny słownik języka polskiego, Tom 1 (A–K), Tom 2 (L–P), Wydawnictwo naukowe, Warszawa PWN 2000, s. LIII+874, XII+980. ISBN 83–01–13016–4, 83–01–13017–2.

Etymologické slovníky obvykle představují více či méně omezený a více či méně kritický výběr z etymologií už předložených. Je spíše výjimkou, když se objeví větší měrou etymologie autorské. Nový etymologický slovník polského jazyka od Andrzeje Bańkowského (*1931) je dílem nanejvýš autorským, autor se dokonce obejde nejen bez odkazů v textu, ale zcela chybí jakákoliv bibliografie (možná se chystá ve 3. díle). První díl uvádí poznámka „Od vydavatele“ (s. V–VI). „Úvod autora“ (s. VII–XLVIII) začíná popisem tradic polské lexikologie, zmiňován je